

**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ
(1926—1929 годы)**

**1. Подрывная деятельность внешней
и внутренней контрреволюции
против Советского государства**

Завершив в основном восстановление народного хозяйства, Советский Союз приступил к дальнейшему претворению в жизнь ленинского плана социалистического переустройства страны. Предстояло создать прочный фундамент социализма, заложить основы индустриальной мощи Советского государства, осуществить социально-экономические преобразования сельского хозяйства. Руководствуясь решениями XIV съезда партии, Страна Советов решительно взяла курс на социалистическую индустриализацию. Внешние и внутренние враги всячески пытались сорвать индустриализацию, понимая, что она укрепит независимость СССР и усилит его обороноспособность. Агрессивные империалистические государства отказывали Советскому Союзу в кредитах, стремились проводить линию на экономическую изоляцию СССР, по-прежнему угрожали новой вооруженной интервенцией. В октябре 1925 года представители Англии, Франции, Германии, Италии и Бельгии, собравшись на конференцию в швейцарском городе Локарно, заключили так называемый гарантийный пакт. Этим договором оформлялся активно поддержанный Соединенными Штатами Америки военный сговор империалистов Европы против Советского государства.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (август 1927 года) отмечал, что враги Советского государства потерпели крах в своих расчетах на внутреннее перерождение Советской власти, на «мирное проникновение» империализма во все отрасли нашего хозяйства, что могучее революционизирующее влияние СССР вызывает рост агрессивности со стороны контрреволюционного империализма¹. Пленум подчеркнул, что опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях..., т. 3, стр. 465.

проблема текущего периода. Обострение противоречий между СССР и его капиталистическим окружением является главной тенденцией настоящего периода...»¹. Организаторами агрессивной политики в это время были английские правящие круги. Консервативное правительство Англии старалось склонить и другие капиталистические страны к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом и организовать его изоляцию. Но последовательная миролюбивая внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства парализовала попытки английского кабинета создать единый антисоветский фронт капиталистических государств.

Агрессивный антисоветский курс Англии и других империалистических стран вызвал усиление деятельности их разведывательных служб, направленной против СССР. Стратегия подрывной работы разведок буржуазных государств заключалась в том, чтобы своими специфическими силами и средствами сорвать или затормозить темпы развития промышленности Советского Союза, втянуть его в вооруженный конфликт с империалистическими странами. При этом наибольшую активность проявляла английская разведка. Она организовывала бандитские налеты на советские представительства во многих государствах. Так, 12 мая 1927 года был совершен провокационный налет на Аркос² в Лондоне, а спустя несколько дней изданы сфабрикованные фальшивки, якобы полученные в результате этого налета. Используя инспирированную провокацию, английское правительство объявило о разрыве дипломатических и торговых отношений с СССР³.

7 июля 1927 года английская и польская разведки организовали убийство советского полпреда П. Л. Войкова в Варшаве. Почти одновременно в Берлине, Пекине, Шанхае, Тянь-цзине были совершены бандитские налеты на советские полпредства и торгпредства.

Подрывную работу против Советского государства осуществляло несколько самостоятельных английских секретных служб. Основным разведывательным органом Англии являлся Секрет интеллидженс сервис (СИС), в составе которого имелся специальный русский отдел, занимавшийся организацией подрывной работы против СССР непосредственно из Лондона и через свои резидентуры в странах, граничивших с Советским Союзом (в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Румынии, Персии, Афганистане, Китае и Японии), а также в государствах, где имелись советские дипломатические представительства или концентрировалось значительное количество белогвардейцев (в Германии, Франции, Австрии, Болгарии, Югославии, Чехословакии,

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 3, стр. 463.

² Акционерное общество, созданное для торговли между СССР и Англией.

³ См.: История внешней политики СССР. Ч. I. М., «Наука», 1966, стр. 238.

Ираке, Палестине). Помимо СИС, подрывную работу против СССР вели Скотленд-Ярд, Индийский секрет, а также разведывательные отделы при ряде министерств (военном, морском, авиационном, иностранных дел и торговли). Для сбора шпионской информации о Советском Союзе использовались военные, морские и авиационные атташе, сотрудники дипломатических учреждений, команды коммерческих судов, посещавших советские порты, и завербованные на территории СССР агенты.

Для совершения подрывных акций английская разведка с 1926 года использовала также разведывательные органы Финляндии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии, вытесняя из разведок этих стран своих союзников — французов.

Активную подрывную деятельность против СССР продолжала вести французская разведка. В составе 2-го Бюро французского генерального штаба имелась северо-восточная подсекция, которая занималась организацией особых разведывательных постов в сопредельных с Советским Союзом государствах, а также во многих других странах, где находились дипломатические, торговые и иные представительства или организации СССР и где проживали белоэмигранты. На территории Франции контрразведывательную работу против официальных советских представителей и граждан вел специальный отдел политической полиции (Сюрте генераль).

С 1926 года усилилась подрывная деятельность японской разведки против СССР. Разведывательную работу вели японский генеральный штаб, морской главный штаб, министерство иностранных дел, жандармские и полицейские органы, а также различные коммерческие предприятия. На службу японской разведки были поставлены разведывательные и полицейские органы корейского генерал-губернаторства. Характерно, что от разобренных ранее шпионских и диверсионных действий разведывательные и контрразведывательные органы Японии перешли к строгой координации подрывных акций, выдвинув на первый план добывание сведений о военно-экономическом потенциале Советского Союза. Основной упор японская разведка делала на создание массовой агентурной сети на территории СССР, и в первую очередь на вероятных театрах военных действий. Так, генеральный штаб японской армии составил план деятельности различных разведывательных органов, охвативший всю советскую границу. Согласно этому плану в сферу разведывательной работы военного атташата в Стамбуле были включены Черноморское побережье и районы СССР, граничащие с Турцией, Персией и Афганистаном¹.

Планом развертывания японских разведывательных органов предусматривалось создание дополнительных военных резидентур в Гельсингфорсе, Таллине, Ковно, Бухаресте, Тегеране.

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 3, оп. 3, пор. № 19, л. 4.

Уже и в других городах сопредельных капиталистических стран. В Польше была создана японская резидентура, занимавшаяся военно-технической разведкой¹. Наибольшую активность японская разведка проявляла на советском Дальнем Востоке. В Владивостоке под прикрытием торговых и промышленных предприятий действовали резидентуры разведки японского генерального штаба и морского главного штаба, агентура жандармерии и полиции корейского генерал-губернаторства.

Значительно расширился аппарат японского посольства, сухопутного и морского атташатов в Москве. Кадровые разведчики активно использовали для сбора шпионской информации о нашей стране находившихся в Советском Союзе корреспондентов иностранных газет, работников представительств министерства земледелия и лесоустройства, служащих концессий и т. д. В центры японской разведки на Дальнем Востоке и Сибири были превращены также аппараты японских консульств во Владивостоке и Новосибирске. Сотрудники этих консульств — кадровые разведчики завязывали знакомства со служащими различных советских учреждений и организаций, часто выдавая себя за лиц, служащих Советской власти. С этой же целью некоторые японские разведчики и агенты пытались поступить в советские высшие учебные заведения².

Работники японского посольства и консульств вербовали агентов на советской территории, ориентируясь прежде всего на проживавших в нашей стране антисоветски настроенных лиц японской, китайской и корейской национальностей, а также на враждебные элементы из бывших эксплуататорских классов. Для сбора шпионской информации о Советском Союзе разведывательные органы Японии широко использовали экипажи своих торговых кораблей, заходивших в советские порты.

Разведорганы Японии забрасывали своих агентов на территорию СССР под видом политэмигрантов, лиц, бежавших из тюрьм, где они отбывали наказание якобы за революционную деятельность, и т. д.

В 1928 году японский разведчик Каида (впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отдела японского генерального штаба) представил в генеральный штаб доклад, в котором, в сущности, излагался план развертывания в широких масштабах подрывной работы против Советского государства: разжигание национальной вражды между народами, населяющими нашу страну; разложение Красной Армии и срыв ее мобилизационных мероприятий; дезорганизация работы военных предприятий; разрушение объектов транспорта, особенно Сибирской железной дороги. В качестве одной из основных задач имелось в виду подстрекательство соседних с СССР государств к прове-

¹ ЦА КГБ при СМ СССР. ф. 3, оп. 3, пор № 19, л. 17.

² Там же, пор. № 22, л. 36.

лению враждебных Советскому Союзу военных и экономических акций. В приложении к докладу указывались мероприятия по созданию в других буржуазных государствах белоэмигрантских организаций для антисоветской деятельности.

В апреле 1929 года начальник 2-го отдела японского генерального штаба Мацуи провел в Берлине совещание японских военных атташе ряда европейских государств, на котором был обсужден вопрос о развертывании подрывной работы против Советского Союза.

Как и в предшествующие годы, активные подрывные акции против СССР вела польская разведка. Вместе с тем в 1926—1929 годах в ее работе произошли некоторые изменения. Так, находившиеся в составе дипломатических миссий руководители резидентур 2-го отдела польского генштаба на советской территории были переведены на нелегальное положение¹. Руководство ими осуществлялось с территории граничащих с Советским Союзом малых, так называемых лимитрофных, государств.

В подрывной деятельности против СССР разведки империалистических государств по-прежнему использовали различные зарубежные белоэмигрантские и националистические организации, которые являлись основными поставщиками агентурных кадров и непосредственными исполнителями многих антисоветских акций. Как и прежде, шпионской работой, организацией диверсий и террористических актов занимались «Российский общевоеинский союз», «Братство русской правды», «Союз офицеров русской армии и флота» и другие. Молодежная организация РОВСа («Евразийцы») в 1927 году организационно оформилась в «Национальный союз русской молодежи»². Заграничные центры кавказских белоэмигрантов в 1926 году создали «Комитет освобождения Кавказа» (КОК), объединивший представителей грузинских меньшевиков, мусаватистов, национальных демократов. В 1926 году в Маньчжурии на средства японской разведки был организован «Российский фашистский союз», который через свои филиалы в Польше, Румынии, Болгарии, Югославии, США, Аргентине и других странах развернул активную антисоветскую деятельность. На службе у английской, французской, японской, польской и других разведок находились главарь белой эмиграции Врангель, Кутепов, Семенов, Родзевский и другие.

Империалистические разведки и белоэмигрантские центры выступали единым фронтом против Советского государства, они координировали свои антисоветские планы, главными целями которых являлись подрыв оборонной и экономической мощи СССР, проведение в широких масштабах акций идеологической

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 31, л. 9.

² На базе этой организации в 1930 году был создан «Национально-трудовой союз нового поколения» (НТСНП).

подготовка условий для новой вооруженной интер-

акции противника использовали в своих целях также украинские и белорусские буржуазные националисты. Зарубежных националистических группировок, проводивших активную антисоветскую деятельность, видное место занимала «Украинская военная организация» (УВО) во главе с бывшим офицером австро-венгерской армии Коновальцем². Украинские буржуазные националисты являлись активными пособниками германских фашистов. Выступая в 1927 году на нацистском съезде, один из фашистских лидеров, Розенберг, заявил, что сотрудничество нацистов с украинскими националистами — хорошие предпосылки для завоевания «жизненного пространства» и обогащения Германии за счет Украины³. В целях расширения широкой шпионской, диверсионной, террористической подрывной деятельности против СССР в 1929 году в УВО была образована новая организация под названием «Организация украинских националистов» (ОУН) во главе с Коновальцем.

Основными формами подрывной деятельности империалистических разведок и зарубежных антисоветских организаций, прежде, оставались шпионаж, диверсии, вредительство, антисоветская агитация и пропаганда. Для проведения шпионских разведок империалистические разведки использовали развитие экономических связей между СССР и некоторыми капиталистическими странами. Объектами шпионажа являлись прежде всего Армия и Военно-Морской Флот, оборонные предприятия, различные внешнеторговые организации и т. д. Противник перешел к наиболее острой форме борьбы против Советского государства — террористическим актам. 7 июня 1927 года агенты английской разведки бросили бомбы в партийный клуб в Москве, в результате чего было ранено 30 человек⁴. В 1928 году вражеские диверсанты бросили бомбу в бюро про-ОГПУ.

В подрывной работе против СССР империалистические разведки интенсивно использовали контрабанду и фальшивомонетничество, представлявшие большую опасность для кредитно-финансовой системы Советского государства. Сотрудники иностранных разведок, пользуясь имеющимся у них правом провоза без осмотра дипломатической почты и личного багажа, вывозили из СССР советскую валюту. Контрабандой занимались также концессионные фирмы и иностранные купцы.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. I. М., Воениздат, 1972, стр. 223.

³ См.: Война в тылу врага. М., Политиздат, 1974, стр. 398.

⁴ См. там же, стр. 399.

⁵ См.: История советской разведки. Вып. 3 (1926—1929 гг.), 1961, стр. 106—107.

Весьма широкое распространение получила посылочная контрабанда. В Польше, Германии, Франции, Маньчжурии продолжали действовать фабрики по изготовлению фальшивых денег для последующего их распространения на территории СССР. В Берлине в 1926 году была оборудована типография для печатания советских денег.

Среди зарубежных центров и организаций особого внимания заслуживали следующие: торгово-промышленный комитет («Торгпром») и закордонный меньшевистский центр. С «Торгпромом» были связаны «Промышленная партия» («Промпартия»), созданная на территории Советского Союза, и «Трудовая крестьянская партия» (ТКП), действовавшая одновременно за рубежом и в СССР, а с меньшевистским центром — подпольный филиал на территории СССР, так называемое «Союзное бюро ЦК РСДРП меньшевиков».

Курс Советского государства на индустриализацию страны вызвал повышенную антисоветскую активность торгово-промышленной эмиграции. Ее подрывная деятельность против СССР выражалась в попытках срыва экономических связей Советского Союза с Западом, в организации экономического шпионажа и зрительства в СССР путем использования своих прошлых связей с бывшими торговцами и промышленниками, проживавшими в Советском Союзе, в подготовке экономической интервенции как основного условия военной интервенции.

Для того чтобы сорвать работу советских делегатов на международной экономической конференции в Женеве (1927 год), «Торгпром» специально командировал туда из Парижа своих представителей. «Торгпром» предпринимал отчаянные усилия для объединения русских эмигрантов, созывая съезды и совещания с участием видных специалистов России. В 1927 году в Париже состоялось совещание деятелей торгово-промышленной эмиграции с участием представителей из других стран, на котором один из лидеров «Торгпрома», Денисов, заявил, что наступил момент перехода от теории к практике освобождения России. Особенно активно «Торгпром» занимался сбором разведывательной информации о состоянии советской экономики и вредительской деятельностью.

В этот же период подрывную работу против Советского государства активизировали враждебные элементы внутри страны — кулаки, церковники, сектанты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и троцкисты. Они пытались объединиться, установить тесные связи с империалистическими разведками, усиливали вредительскую и диверсионную деятельность в области экономики.

Большую опасность представляли вредительство и диверсии в различных отраслях оборонной промышленности. В 1926—1927 годах резко возросло число взрывов и поджогов на крупных промышленных объектах и железнодорожном транспорте.

Северном Кавказе группа диверсантов по заданию английской разведки совершила ряд поджогов и взрывов на нефте-перерабатывающих заводах¹.

Весьма широко развернули вредители свою деятельность в период реконструкции Донбасса, направив свой удар в самое сердце советской угольной промышленности. Апрельский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 года в своей резолюции указал, что вредительская организация в Донбассе «была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной военной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР»².

На путь подпольной антисоветской деятельности стали троцкисты: Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 года, обсудив вопрос о нелегальной деятельности троцкистской оппозиции, констатировал, что «дезорганизаторские шаги оппозиции свидетельствуют уже о том, что оппозиция решила уйти от легального отстаивания своих взглядов к созданию тайной нелегальной организации»³. Троцкисты пытались использовать некоторых неустойчивых в политическом отношении сотрудников органов государственной безопасности в антисоветских целях. XV съезд партии (1927 год) осудил деятельность троцкистов, скатившихся на антисоветский путь, и признал принадлежность к оппозиции совместной с пребыванием в Коммунистической партии⁴.

Активную антисоветскую деятельность в области сельского хозяйства вело кулачество. Кулаки совершали убийства партийно-советских работников, сельских активистов, проводили массовую антисоветскую агитацию и пропаганду, погубили многих середняков и отдельных бедняков на вражеские выступления. В 1926 году кулаки совершили 711 террористических актов против партийно-советского актива, в 1927 году — 901, в 1928 году — 1027, в 1929 году — 8278⁵. Увеличилось количество антисоветских выступлений кулаков против политики хлебозаготовок. В 1926—1927 годах их было 63, в 1928 — 709, в 1929 году — 1190⁶.

Открыто враждебную позицию занимала в эти годы наиболее реакционная часть русской православной церкви, а также ее представители. Они призывали верующих не поддерживать проводимую партией и правительством социалистические преобразования, бойкотировать мероприятия Советской власти, обрабатывать отдельных неустойчивых граждан в антисоветском духе.

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 3, пор. № 383, л. 114.

² КПСС в резолюциях и решениях..., изд. 7, ч. II, стр. 381.

³ Там же, стр. 62.

⁴ См. там же, стр. 440—441.

⁵ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, пор. № 318, л. 7.

⁶ Там же, л. 17.

завлекали их в подпольные организации. Большую помощь сектантам оказывали различные зарубежные религиозные организации. Так, только денежные перечисления из Соединенных Штатов Америки достигали ежегодно 120 тысяч долларов¹. Антисоветские элементы из числа церковников, сектантов и кулаков активно использовались эсерами, меньшевиками, буржуазными националистами.

Таким образом, политическая и оперативная обстановка в 1926—1929 годах характеризовалась нарастающей угрозой новой вооруженной интервенции, усилением подрывной деятельности разведок империалистических государств и зарубежных белоэмигрантских организаций, дальнейшим обострением классовой борьбы внутри страны, сопротивлением остатков свергнутых эксплуататорских классов.

2. Задачи и организация органов государственной безопасности

Органы государственной безопасности продолжали выполнять задачи, возложенные на них Положением об Объединенном государственном политическом управлении от 15 ноября 1923 года. Эти задачи вытекали из внешней и внутренней политики Коммунистической партии и Советского правительства, направленной на срыв планов империалистических государств по подготовке вооруженной агрессии против СССР, а также на проведение мероприятий по социалистической индустриализации промышленности, подготовку условий для ликвидации последнего эксплуататорского класса — кулачества. В связи с обострением международной напряженности и усилением подрывной деятельности империалистических разведок ЦК ВКП(б) и Советское правительство потребовали от органов государственной безопасности активизировать разведывательную работу в капиталистических странах, борьбу с диверсиями и террором, а также с вредительством, контрабандой и фальшивомонетничеством. Объединенному государственному политическому управлению вменялось в обязанность «принять решительные меры к охране страны от иностранных шпионов, поджигателей и убийц вместе с их монархическими и белоэмигрантскими союзниками»².

Центральный Комитет ВКП(б) указал, что, если будут использованы факторы, которые противодействуют военному выступлению империалистических держав, можно сорвать антисо-

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, пор. № 318, л. 7.

² См.: Из истории советских пограничных войск (1921—1927 гг.). Документы и материалы. М., изд. ВШ КГБ, 1963, стр. 154, 288—300.

³ История советской разведки. Вып. 3, стр. 108.

планы Англии и предотвратить войну¹. Одним из условий использования факторов противодействия опасности было своевременное получение достоверной информации о намерениях Советского Союза планах империалистов. Это, в свою очередь, требовало усиления разведывательной работы в капиталистических государствах, и в частности укрепления разведывательных органов и других звеньев.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство придавали большое значение вопросам организации решительной борьбы с диверсиями актами на основных объектах народного хозяйства. В связи с этим важным мероприятием по усилению борьбы с диверсиями было издание ВСНХ и ОГПУ совместного постановления от 4 мая 1926 года, в котором предусматривались меры по проверке состояния общей и противопожарной безопасности заводов, вводимых персональная ответственность работающих лиц за тех рабочих и служащих, которые оформляют документы на военных заводы.

В последующем вопросы о состоянии и мерах усиления охраны объектов промышленности неоднократно рассматривались Политбюро ЦК ВКП(б). Так, на заседании 3 марта 1927 года Политбюро назначило комиссию в составе В. Р. Менделеева и В. В. Куйбышева, поставив перед ней следующие задачи: исследовать состояние охраны промышленности и наметить мероприятия по обеспечению успешной борьбы с диверсиями. 4 апреля 1927 года данная комиссия предложила ОГПУ создать специальный аппарат для борьбы с диверсиями. В составе Экономического управления ОГПУ был создан специальный отдел, которому было поручено организовать централизованную работу на объектах военной промышленности. Коллегия ОГПУ образовала комиссию ОГПУ во главе Г. И. Благодиревым. В нее вошли руководители оперативных отделов. При комиссии организовали оперативные мероприятия по предупреждению диверсий.

Для обеспечения надежной охраны предприятий и сооружений имеющих первостепенное значение для обороны страны, постановлением Совнаркома СССР от 12 мая 1927 года вместо обычной военизированной охраны в составе войск ОГПУ создавались специальные воинские части, на которые возлагалась охрана важных военных объектов. Кроме того, Советское правительство предоставило ОГПУ право в зависимости от значимости того или иного народнохозяйственного или военного объекта заменять военизированную охрану войсками ОГПУ. В целях создания надлежащих условий для обеспе-

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях..., изд. 8, т. 3, 1970, стр. 466—468.
² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 5, пор. № 98, л. 9.
³ Там же, пор. № 215, л. 20.

чения охраны особо важных объектов Президиум ЦИК и Сов-
ларком СССР предлагали местным Советам переселить в дру-
гие места всех лиц, проживавших на территории этих объектов.

Принимались также меры по засекречиванию и маскировке
объектов военной промышленности. Так, 9 июля 1927 года объ-
единенным приказом ВСНХ, Народного комиссариата по воен-
ным и морским делам и ОГПУ была введена в действие система
мер по засекречиванию работы предприятий военной промыш-
ленности¹. В этих же целях Постановлением Президиума ЦИК
СССР от 26 июня 1927 года усиливалась уголовная ответствен-
ность должностных лиц за непринятие мер по обеспечению
сохранения государственных секретов.

ОГПУ и ВСНХ обращали особое внимание на необходимость
установления деловых контактов между органами ОГПУ и ад-
министрацией особо важных предприятий. 23 октября 1926 года
была объявлена Инструкция о характере взаимоотношений
местных органов ОГПУ с директорами военных заводов, в кото-
рой подчеркивалось, что основой этих отношений должна стать
взаимная помощь и информация. Руководствуясь данной ин-
струкцией, местные органы ОГПУ своей информацией помогали
руководителям предприятий устранять недостатки в работе
заводов и выполнении поставленных перед ними задач, а руко-
водители заводов, в свою очередь, оказывали органам гос-
безопасности самое широкое содействие в организации ими опе-
ративной работы на обслуживаемых объектах².

На основе сведений, добытых в процессе агентурно-оператив-
ной работы, органы государственной безопасности системати-
чески информировали ЦК ВКП(б) и СНК СССР о недочетах
в работе государственных учреждений, объектов промышленно-
сти, транспорта и сельского хозяйства для принятия соответ-
ствующих организационно-партийных мер.

В связи с военной опасностью в 1927 году на ОГПУ был
возложен контроль за организацией мобилизационной работы
в учреждениях и на предприятиях. Органам госбезопасности
вменялось в обязанность выявлять недостатки в мобилизацион-
ной работе учреждений и предприятий и принимать меры к их
устранению, осуществлять контроль за деятельностью мобили-
зационных аппаратов и расходованием ими средств на приве-
дение учреждений и предприятий в мобилизационную готов-
ность³.

ЦК ВКП(б) потребовал от местных партийных комитетов,
чтобы они учитывали оперативную информацию органов ОГПУ
и, исходя из нее, принимали действенные меры. Так, в феврале
1926 года в письме ко всем ЦК республик, крайкомам, обкомам

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 5, пор. № 24, л. 220.

² Там же, пор. № 447, л. 48.

³ Там же, л. 98.

⁴ Там же, пор. № 1, л. 72.

руководителям партии ЦК ВКП(б) отмечал: «Имеющиеся в ЦК материалы говорят о том, что местными партийными и советскими органами недостаточно используются в работе материалы докладов и информационных докладов ОГПУ. ЦК указывает на необходимость более внимательного отношения к этим материалам для учета политических настроений масс и устранения отдельных злоупотреблений»¹.

В связи с планами закордонных центров, стремившихся усилить террористическую деятельность на территории СССР, перед органами государственной безопасности была поставлена задача активизировать борьбу с террором и обеспечить охрану руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Поскольку охраной Кремля одновременно занимался Ф. Э. Дзержинский, 12 октября 1925 года Ф. Э. Дзержинский обратился в ЦК партии с письмом, в котором просил рассмотреть вопрос об усилении охраны Кремля и внес предложение: «...все, что есть на территории Кремля (охрана, хозяйство, связь, дворцы), и Большой театр подчинить одному лицу — главному охранителю Кремля...»² Политбюро ЦК приняло предложение Дзержинского. Наряду с этим Ф. Э. Дзержинский 23 июня 1926 года дал своим заместителям по ОГПУ указание принять меры по усилению охраны здания ЦК ВКП(б), партийных и советских учреждений на Украине, предупредить всех членов ЦК и ЦКов СССР за границей о замыслах петлюровцев совершить террористические акты, а также предложил Иностранному и контрразведывательному отделам активизировать агентурную работу в петлюровских кругах за границей.

В условиях военной опасности и усиления шпионско-диверсионной деятельности противника Советское государство вынуждено было пойти на временное расширение прав ОГПУ в борьбе с наиболее острыми формами подрывной деятельности внешних и внутренних врагов. 9 июня 1927 года Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право рассмотрения во внесудебном порядке дел на белогвардейцев, шпионов и бандитов, вплоть до применения к ним высшей меры наказания. Временно были расширены права ОГПУ и в области борьбы с бандитизмом. Районы действия банд объявлялись на особом положении, туда направлялись особоуполномоченные ЦИК СССР, которым предоставлялось право совместно с прокуратурой республики создавать тройки для рассмотрения дел на бандитов»

С решением возложенных на органы государственной

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 1, пор. № 163, л. 1.

² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 113, л. 429.

³ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 52, л. 12.

⁴ Особоуполномоченным ЦИК СССР был полномочный представитель ОГПУ, или руководитель органов ОГПУ района, объявленного на особом положении.

⁵ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 152, л. 12.

1) Усиление разведки

безопасности задач непосредственно связано и организационное совершенствование чекистского аппарата. Прежде всего необходимо было усилить аппарат внешнеполитической разведки. В этих целях Иностранный отдел был выделен из состава Секретно-оперативного управления и стал действовать на правах самостоятельного отдела с непосредственным подчинением председателю ОГПУ. Личный состав Иностранного отдела был укреплен количественно и качественно.

Большое внимание уделялось органам контрразведки. Коллегия ОГПУ совместно с полномочными представителями и начальниками отделов центрального аппарата, рассмотрев на заседании 7 июня 1927 года вопрос об обеспечении постоянной координации в работе КРО и ОО ОГПУ, приняла решение о назначении начальника Контрразведывательного отдела одновременно и заместителем начальника Особого отдела.

Придавая важное значение вопросам организации борьбы с контрреволюцией на железнодорожных и водных путях сообщения, Коллегия ОГПУ 28 октября 1929 года выделила Транспортный отдел из состава Секретно-оперативного управления как самостоятельный отдел на правах управления.

В связи с принятыми ЦК ВКП(б) и Советским правительством мерами по повышению политической бдительности трудящихся в августе 1928 года при Коллегии ОГПУ была организована Особая инспекция¹, на которую возлагался прием граждан, желающих подать жалобы или заявления, а также контроль за своевременным рассмотрением жалоб и заявлений в соответствующих отделах и управлениях ОГПУ. Коллегия ОГПУ требовала от всех чекистов внимательного и чуткого отношения к каждому гражданину, приходящему в органы государственной безопасности с заявлением. Вместе с тем разъяснялось, что письма и сообщения граждан могут фигурировать в следственных делах только с согласия заявителя².

23 апреля 1926 года Совет Труда и Оборона сосредоточил в ОГПУ организацию всей борьбы с контрабандой³. В связи с этим были проведены мероприятия по усилению пограничной охраны, улучшению службы пограничных войск, их техническому оснащению и повышению боеспособности. Выполняя Постановление Совета Труда и Оборона от 23 августа 1925 года, ОГПУ взяло под охрану Атрекский пограничный участок протяженностью 250 км, а позднее некоторые участки на Дальнем Востоке и Сахалине. В 1927 году пограничными войсками были приняты под охрану все участки границы Среднеазиатских рес-

¹ Приказ ОГПУ № 161 от 30 июля 1927 года.

² Приказ ОГПУ № 160 от 13 августа 1928 года.

³ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 6, пор. № 504, л. 13.

⁴ Таможенные органы вели эту борьбу только в местах их постоянной деятельности (см.: История советских пограничных войск (1921—1927 гг.), стр. 21).

15 июня 1927 года ЦИК и СНК СССР утвердили новое Положение об охране государственной границы Союза ССР, на основании которого ОГПУ ввело Временный устав службы пограничной охраны и издало ряд инструкций, регламентировавших деятельность службы по охране государственной границы.

Наиболее целесообразную и действенную форму получила организация пограничной охраны. В 1926 году Отдел пограничной охраны и Управление войск ОГПУ были упразднены и на их месте образовано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ. Части пограничной охраны полномочных представительств ОГПУ были преобразованы в управления пограничной охраны, в округах создавались управления пограничной охраны войск ОГПУ, руководившие работой погранохраны в пределах округа (схема 7).

В 1926—1929 годах продолжалось организационное строительство чекистских аппаратов в некоторых союзных республиках Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Органы государственной безопасности до середины 1929 года продолжали именоваться чрезвычайными. В связи с изменением обстановки в данном районе Президиум Закавказского ЦИК 20 июля 1926 года упразднил ЗакЧК и создал специальное государственное политическое управление при СНК ЗСФСР. 9 августа 1926 года Закавказский ЦИК в соответствии с Положением об органах Объединенного государственного политического управления СССР утвердил Положение о государственном политическом управлении при СНК ЗСФСР. Образовавшемся ГПУ в Закавказье реформа органов государственной безопасности на всей территории СССР была полностью завершена. В связи с образованием 16 октября 1929 года Таджикской Советской Социалистической Республики в ней соответственно были реорганизованы и органы государственной безопасности.

Принятые Коммунистической партией и Советским правительством меры по правовому и организационному укреплению органов государственной безопасности положительно отразились на деятельности и обеспечили ОГПУ возможность успешно вести борьбу с объединенными подрывными действиями империалистических разведок и внутренней контрреволюции.

Силы и средства органов ОГПУ

Главную роль в решении задач, стоявших перед органами государственной безопасности, по-прежнему играли чекистские кадры. Центральный Комитет партии и местные партийные организации уделяли в этот период большую работу по дальнейшему совершенствованию чекистских органов надежными и опытными кадрами. 25 мая 1926 года ЦК ВКП(б) утвердил положение о по-

рядке перемещения сотрудников ОГПУ, расширив при этом права чекистских органов. Было установлено, что руководящие работники органов госбезопасности, входящие в номенклатуру ЦК ВКП(б), могут быть переведены на другую работу только по решению Центрального Комитета. Руководству ОГПУ предоставлялось право отзывать и переводить на другую работу полномочных представителей, начальников губернских отделов и их заместителей по согласованию с местными партийными органами, а начальников отделов полномочных представительств и других нижестоящих работников перемещать по службе самостоятельно, с последующим сообщением соответствующим партийным комитетам. Партийные органы могли отзывать членов партии, работавших в чекистских органах, только по согласованию с соответствующими органами ОГПУ, по возможности с заменой каждого отзываемого равноценным работником.

Установленный ЦК ВКП(б) порядок перевода сотрудников ОГПУ позволил сохранить на работе в чекистских аппаратах опытных коммунистов — контрразведчиков. К концу 1926 года из 9 членов Коллегии ОГПУ 8 коммунистов имели подпольный партийный стаж, один состоял в партии с 1917 года. Из 52 начальников управлений и отделов центрального аппарата ОГПУ 10 человек имели подпольный стаж, 26 человек являлись членами партии с 1917 года и 16 человек — с 1919 года¹.

Достаточно опытные руководящие кадры работали и в местных органах госбезопасности. Из 83 полномочных представителей, начальников губотделов, особых отделов округов в 1926 году было 19 членов партии с подпольным стажем, 53 члена партии с 1917 года и 11 членов партии с 1919 года. Среди них — такие заслуженные чекисты, как заместитель полномочного представителя ОГПУ на Украине, член партии с 1905 года К. М. Карлсон, начальник КРО Полномочного представительства ОГПУ в Центральной черноземной области, член партии с 1917 года И. С. Киборт, полномочный представитель ОГПУ по Уралу, член партии с 1917 года Г. С. Мороз, полномочный представитель ОГПУ по Закавказью, член партии с 1905 года И. П. Павлуновский, полномочный представитель в Ленинградском военном округе, член партии с 1908 года С. А. Мессинг и другие.

В целом из 128 сотрудников органов ОГПУ, имевших партийный стаж до февраля 1917 года, непосредственно оперативной работой занимался 121 человек (94,9%)².

¹ Так, начальником Секретного отдела ОГПУ работал член партии с 1908 года Т. Д. Дерibas, начальником Контрразведывательного отдела — член партии с 1917 года А. Х. Артузов, начальником Транспортного отдела — член партии с 1917 года Г. И. Благодеров, начальником Спецотдела по охране руководителей партии и правительства — член партии с 1902 года А. Я. Белецкий, начальником Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ — член партии с 1917 года З. Б. Кашельсон.

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, пор. № 837а, л. 3.

30 июля 1926 года партия, советский народ, органы государственной безопасности понесли большую утрату — умер выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, руководитель органов государственной безопасности Федикс Эдмундович Дзержинский. Центральный Комитет партии в письме к партийным организациям 5 августа 1926 года отмечал, что огромная для всей партии утрата особенно тяжела для органов ОГПУ. В письме подчеркивалось, что потеря организатора и руководителя ВЧК — ОГПУ совпала с моментом, когда внутренняя и внешняя обстановка возлагает на органы государственной безопасности сложные и ответственные задачи, в связи с чем ОГПУ больше чем когда-либо требует особой заботы к себе со стороны партии. ЦК ВКП(б) обязал все местные партийные организации постоянно укреплять органы государственной безопасности и оказывать им всемерную поддержку¹.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 июля 1926 года председателем ОГПУ был назначен член партии с 1902 года, соратник и друг Ф. Э. Дзержинского, его первый заместитель Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Были приняты меры по сохранению на работе в органах государственной безопасности опытных коммунистов, возвращению в чекистские аппараты части бывших сотрудников ВЧК — ОГПУ, пополнению центрального аппарата и местных органов государственной безопасности работниками партийных и комсомольских комитетов, улучшению подготовки кадров в специальных учебных заведениях, повышению их общеобразовательного уровня. По решению партийных комитетов в 1927—1929 годах на оперативную работу было возвращено 2516 бывших чекистов, направленных после гражданской войны на другие участки деятельности.

В связи с расширением объема работы принимались меры по некоторому увеличению численности чекистских кадров. Если 1 июля 1926 года аппарат ОГПУ в целом состоял из 17466 сотрудников, то к 1 октября 1929 года в нем работало уже 18008 человек. Было увеличено число работников среднего звена центрального аппарата (начальники отделений, их заместители и старшие инспектора).

В своевременном пополнении органов ОГПУ кадрами большое значение имел институт практикантов. 19 марта 1926 года Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило положение об институте практикантов ОГПУ и предложило ЦК компартий республик, крайкомам и обкомам партии направить в распоряжение полномочных представительств коммунистов, оканчивающих высшие

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 4443, л. 1.

² См.: История советской разведки. Вып. 3, стр. 44—45.

³ В это число не входили сотрудники негласных аппаратов органов государственной безопасности.

учебные заведения, а также партийных работников, имевших достаточную военную и политическую подготовку. ЦК ВКП(б) через местные партийные комитеты ежегодно посылал наиболее подготовленных коммунистов на работу в ОГПУ, где они зачислялись на срок от 9 месяцев до 1 года в качестве практикантов, после чего те из них, которые проявляли способности к оперативной работе, переводились на штатные должности. Всего с 1926 по 1929 год было проведено семь наборов практикантов; в каждом 95—96% составляли члены ВКП(б) и 4—5% — комсомольцы. Институт практикантов удовлетворял потребность органов ОГПУ в кадрах лишь на одну треть, в основном же эта потребность обеспечивалась за счет приема на работу в чекистские аппараты военнослужащих войск ОГПУ и других лиц.

Принимались меры по повышению чекистской и общеобразовательной подготовки сотрудников ОГПУ¹. 9 октября 1926 года В. Р. Менжинский в одном из циркуляров отмечал, что причиной некоторого отставания агентурно-оперативной и следственной работы органов ОГПУ является слабая специальная подготовка оперативного состава. В связи с этим он обязал школы ОГПУ усилить работу по подготовке и переподготовке чекистских кадров, одновременно организовать в подразделениях политическую и специальную подготовку сотрудников².

В 1926 году было увеличено число слушателей отделения по подготовке работников особых отделов в Высшей пограничной школе, расширился контингент слушателей в Транспортной школе ОГПУ³. С 1928 года в Высшей пограничной школе начали проходить переподготовку и работники территориальных органов ОГПУ. Всего в чекистских учебных заведениях в 1929 году получили чекистскую подготовку и переподготовку 2473 сотрудника⁴, в том числе было выпущено 300 новых оперативных работников.

Немало сотрудников из кадрового состава органов ОГПУ обучалось в эти годы в средних и высших гражданских учебных заведениях. В результате этого значительно повысился общеобразовательный уровень чекистов. Так, если в 1928 году в ОГПУ работало 2905 сотрудников с высшим и средним образованием, то в 1929 году их стало 3925 человек. Хуже обстояло дело с общеобразовательной подготовкой чекистских кадров в национальных республиках. Если в целом по союзным и автономным республикам высшее и среднее образование имели 26,8% сотрудников, то в республиках Средней Азии — лишь 19%, в Казахстане — 16,4%.

¹ К началу 1926 года в органах госбезопасности было лишь 1,8% работников ОГПУ, окончивших курсы и школы ОГПУ.

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 1, л. 26.

³ В 1926 году ей было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

⁴ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, пор. № 87а, л. 8.

После партийная прослойка сотрудников, работавших в органах государственной безопасности. Количество членов ВКП(б) за три года (с июля 1926 года по июль 1929 года) увеличилось с 69 до 66,2%. Несколько меньше коммунистов было среди оперативного состава: к концу 1928 года члены и кандидаты в члены партии составляли 46,5%, комсомольцы — 10,3%. Подавляющее большинство руководящих оперативных должностей было занято коммунистами. Увеличение партийной прослойки происходило как за счет направления на работу в ОГПУ коммунистов с других участков, так и за счет приема в партию комсомольцев и беспартийных чекистов.

Хотя и медленно, но росло число сотрудников — выходцев из рабочего класса. Если на 1 января 1928 года в ОГПУ было 5579 сотрудников из рабочих, то на 1 января 1929 года их стало 5711 человек.

Среди сотрудников ОГПУ имелись представители 71 национальности, среди которых русские составляли 64,8%, украинцы — 8,2%, белорусы — 4,9%, латыши — 3,4%, поляки — 1,8%, эстонцы — 1,7%, грузины — 1,3%¹.

К концу 1928 года в органах ОГПУ уменьшилась текучесть кадров: если в 1927 году было уволено 23,4% личного состава, то в 1928 году — 20,3%, причем оперативных работников уволено лишь 13%. Значительная часть этих увольнений приходилась на вновь принятых работников органов ОГПУ и вызывалась высокими требованиями, предъявляемыми к сотрудникам безопасности.

Проведенные Коммунистической партией, Советским правительством и руководством ОГПУ мероприятия, направленные на укрепление чекистского аппарата кадрами, положительно отразились на его деятельности по борьбе с прониканиями империалистических разведок и внутренних врагов Советского государства.

Важную роль в борьбе с агентами империалистических разведок и антисоветскими элементами играл в эти годы агентурный аппарат и оперативно-технические средства органов государственной безопасности.

Агентурный аппарат создавался оперативными отделами по линии работы и в каждом случае, в зависимости от профиля того или иного подразделения, имел свои особенности. При организации агентурного аппарата Экономическое управление, Секретарь и Информационный отделы руководствовались положением, принятыми еще в 1922 году². В целом, несмотря на различные наименования категорий агентурного аппарата в различных оперативных подразделениях, существовали две ярко выраженные категории: осведомитель, сообщавший первичную информа-

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, лор. № 837а, л. 5.
² Приказ ГПУ № 291 от 14 ноября 1922 года.

шно, и агент (либо специальный осведомитель), участвовавший в агентурных разработках¹.

В эти годы, как и ранее, принимались меры по дальнейшему совершенствованию агентурного аппарата. Так, в первой половине 1928 года Секретный отдел СОУ ОГПУ, учитывая сложность борьбы с антисоветскими организациями, проверил состояние работы местных органов госбезопасности со специальным осведомлением, используемым в разработке участников бывших антисоветских политических партий, враждебно настроенных церковников и сектантов и других антисоветских групп.

Обобщенные результаты проверки, выводы и указания были изложены в специальном Циркулярном письме СОУ ОГПУ², направленном 20 июля 1928 года в местные аппараты госбезопасности. В этом документе давался подробный анализ состояния дел со спецосведомлением, отмечалось, что многие оперативные сотрудники местных органов ОГПУ в последние годы умело работали со спецосведомителями и это позволило им достигнуть значительных успехов в борьбе с антисоветскими политическими партиями и организациями³.

Наряду с этим указывалось, что в работе по созданию аппарата спецосведомления были выявлены серьезные недостатки: значительная часть оперативных сотрудников слабо знала объекты чекистского обеспечения и потребность в организации на них аппарата спецосведомителей; имеющиеся в ряде органов ОГПУ спецосведомители были в основном малоквалифицированными; немало спецосведомителей, в том числе и опытных, вообще не использовалось в решении конкретных задач; в оперативных подразделениях отсутствовал учет связей и других возможностей каждого спецосведомителя⁴; предварительное изучение кандидатов на вербовку в большинстве случаев не проводилось, а сама вербовка, как правило, осуществлялась без подготовки; в ряде случаев вербовку осуществляли молодые, неопытные оперативные сотрудники, что нередко приводило к срывам вербовок⁵.

В некоторых аппаратах ОГПУ на низком уровне находилась работа со спецосведомителями: встречи с ними проводились нецелесообразно, обычно они сводились к получению сводок и даче заданий; ввиду частой смены оперативных сотрудников

¹ Информационный отдел, получив от своих осведомителей (информаторов) заслуживающие внимания первичные сведения о конкретных лицах, передавал эти сведения после их предварительной проверки в соответствующие оперативные отделы, где на основе данных материалов заводились дела-формуляры (на одиничек) либо агентурные дела (на группу лиц, проводящих антисоветскую работу и организационно связанных между собой) (ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 6, оп. 2, пер. № 1180, л. 31).

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 6, пор. № 273, лл. 38—55.

³ Там же, л. 38.

⁴ Там же, лл. 4, 41, 44—45.

⁵ Там же, л. 41.

было плохо знали своих осведомителей; из-за отсутствия взаимодействия между оперативными отделениями были провалы осведомителей¹.

Со значительной частью осведомителей связь поддерживалась нерегулярно, крайне редко и без достаточных гарантий конспирации. Сами встречи проводились также без соблюдения элементарных правил конспирации, что приводило к провалу осведомителей².

Отметив основные недостатки в работе со спецосведомителями, СОУ ОГПУ обратило внимание руководящего и оперативного состава местных аппаратов госбезопасности на то, что сложные и ответственные задачи в области ведения квалифицированной борьбы с подрывной работой антисоветских группировок, меньшевиков, эсеров, анархистов и другими враждебными проявлениями среди различных слоев населения можно выполнять прежде всего при наличии хорошо организованного аппарата спецосведомителей³.

В целях улучшения состава спецосведомителей предлагалось каждую вербовку проводить по определенному плану (с указанием, где и для чего нужен спецосведомитель, кого и по каким соображениям целесообразно при этом завербовать); тщательно изучать кандидатов на вербовку, выяснять наиболее удобные подходы к ним, использовать слабые стороны вербуемых, определять возможные способы и мотивы воздействия на них в ходе вербовки; проявлять при вербовке тактичность и соблюдать осторожность, не прибегать к угрозам. Вербовку осведомителей, представляющих наибольший интерес для органов госбезопасности, рекомендовалось поручать ответственным работникам⁴.

В Циркулярном письме СОУ ОГПУ подчеркивалось, что успех вербовки зависит от духовного превосходства, такта и сообразительности вербующего (то есть оперативного сотрудника), от его умения и способности изучить психологию вербуемого и воздействовать на нее в нужном направлении.

Весьма серьезное значение придавалось вводу спецосведомителей в разработки, линии их поведения, а также осуществлению мероприятий по закреплению этих секретных сотрудников в разрабатываемой среде. В Циркулярном письме указывалось, что руководитель (то есть оперативный работник. — Авт.) должен регулировать степень активности и пассивности секретного сотрудника, ибо от этого зависит его авторитет внутри организации, осведомленность о ее действиях и, следовательно, ценность сотрудника⁵. Несколько позднее В. Р. Менжинский подчеркивал, что необходимо особо тщательно руководить секретными

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 6, пор. № 273, л. 45.

² Там же, л. 47.

³ Там же, л. 39.

⁴ Там же, л. 42.

⁵ Там же, л. 44.

сотрудниками, которые участвовали в разработке белогвардейских групп, в легендированных ОГПУ оперативных играх с зарубежными белоэмигрантскими организациями¹.

Большое внимание уделялось вопросам воспитания спецосведомителей. Оперативному составу разъяснялось, что в ходе работы с ними нужно воспитывать их в духе честного сотрудничества с органами госбезопасности (объективное освещение фактов, представление правдивой информации). Рекомендовалось изучать спецосведомителей, особенно их поведение в окружающей среде, вовремя помогать им в случае необходимости. В деле воспитания секретных сотрудников немалую роль играл авторитет их руководителей — оперативных работников².

Особенно высокие требования предъявлялись к вербовке агентов из числа иностранцев и лиц, работавших в иностранных представительствах (посольствах и консульствах). В Циркуляре ОГПУ от 14 июня 1929 года внимание оперативного состава обращалось на необходимость глубокого изучения подобных кандидатов на вербовку. Иностранцев разрешалось вербовать только с санкции КРО ОГПУ и на особых конспиративных квартирах, где не принимались агенты из сотрудников консульств. Вербовку предписывалось осуществлять таким образом, чтобы в случае ее неудачи не пострадали другие действующие агенты, а сам вербуемый не догадался бы об их существовании. Серьезное значение придавалось своевременному выявлению возможного контрнаблюдения со стороны сотрудников иностранных представительств, тщательному инструктированию агентов, в том числе о способах соблюдения ими правил конспирации.

2) Важную роль в агентурно-оперативной деятельности продолжали играть службы наружной разведки и оперативной установки. Организационно в эти годы они были по-прежнему сосредоточены в Оперативном отделе. Сотрудники этого подразделения производили аресты и обыски, вели расследование особо важных происшествий, по поручению Контрразведывательного, Особого и других отделов осуществляли установки, выполняли их задания по ведению наружного наблюдения за объектами агентурных разработок и их связями. Большое внимание уделялось организации и тактике ведения наблюдения за иностранцами, подозреваемыми в шпионаже и другой враждебной деятельности. Учитывая важность борьбы с контрабандой, в апреле 1926 года были созданы группы наружной разведки при ряде пограничных отрядов³. Там, где пограничные отряды размещались вблизи губернских и окружных отделов ОГПУ, они пользовались аппаратами наружной разведки этих отделов.

¹ Циркуляр ОГПУ № 342314 от 21 декабря 1928 года (ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 6, пор. № 272, л. 163).

² Там же, пор. № 273, лл. 46, 49, 51.

³ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 6, оп. 1, пор. № 90, л. 31.

Совершенствовалась служба оперативного учета. Учетом антисоветских элементов занимался Отдел центральной регистратуры ОГПУ. На него возлагалась выработка единых принципов учета во всех местных регистрационных аппаратах, руководство их работой, учет персональных сведений о лицах, привлеченных или подозреваемых в преступлениях, выявление дополнительных компрометирующих материалов на лиц, разрабатываемых по агентурным делам. Регистрационные аппараты в местных органах ОГПУ занимались учетом следственных и архивных дел, арестованных, регистрацией и учетом политически неблагонадежных элементов, а также лиц, заподозренных в шпионаже и других преступлениях, бывших белых офицеров, сбором и систематизацией сведений о лицах, разыскиваемых органами ОГПУ. Кроме того, регистрационные аппараты выполняли задания Отдела центральной регистратуры и других оперативных отделов посылке архивных дел и иных оперативных материалов. Централизованного учета вражеских агентов, антисоветских элементов и агентов органов госбезопасности в этот период еще не было.

дальнейшее развитие получили шифровально-дешифровальная и радиоконтрразведывательная службы, которыми руководил Специальный отдел ОГПУ. В 1926 году были построены новые радиостанции особого назначения, организационно сведенные в группы ОСНАЗ. Специальный отдел ОГПУ осуществлял контроль за работой органов связи главным образом по линии подбора и проверки личного состава радиостанций, учитывал и регистрировал частные радиостанции и вел агентурно-оперативную работу по выявлению нелегальных радиопередатчиков. Приказом ОГПУ № 242/96 от 9 декабря 1927 года было утверждено Положение о специальных отделениях при ПП ОГПУ. Эти отделения выполняли следующие задачи: организовывали секретное и шифровальное делопроизводство во всех учреждениях, расположенных по территории полномочных представительств ОГПУ как местного, так и союзного значения; осуществляли контроль за порядком ведения и хранения мобилизационных и шифровальных материалов; вели учет лиц, ведавших секретной перепиской в советских учреждениях; вырабатывали шифры и обеспечивали ими все учреждения, расположенные на территории полномочного представительства, за исключением тех, которые пользовались шифром, установленным Специальным отделом ОГПУ¹.

Важную роль в борьбе с происками империалистических разведок и внутренней контрреволюции играла также служба политконтроля. Политконтроль имел централизованную систему, руководство которой осуществлял Отдел политконтроля Секретно-оперативного управления ОГПУ. В целях сохранения воен-

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 6, оп. 1, пор. № 168, л. 488.

ных, политических и экономических тайн Советского государства, выявления и предупреждения преступной деятельности враждебных элементов, групп и организаций Отдел политконтроля решал также задачи: негласный просмотр корреспонденции лиц, представляющих оперативный интерес для органов ОГПУ; составление сводок по материалам просмотра и направление их в соответствующие оперативные подразделения; контроль за типографиями, литографиями и металлографиями, за деятельностью театров, кино, цирков и других учреждений культуры; надзор за книжными складами и магазинами; просмотр ввозимых в СССР и вывозимых за границу печатных произведений, фото- и кинопленок.

4. Основные направления оперативной деятельности ОГПУ

С учетом политической и оперативной обстановки и в соответствии с возложенными на органы государственной безопасности задачами основные усилия чекистских органов, как и в предыдущий период, направлялись на борьбу с подрывной деятельностью разведывательных органов буржуазных государств и зарубежных белоэмигрантских центров, с антисоветскими организациями и действиями враждебных элементов внутри страны, а также с экономической контрреволюцией.

Организуя борьбу с подрывными действиями разведок буржуазных государств и зарубежных белоэмигрантских центров, органы государственной безопасности продолжали проводить мероприятия по внедрению агентов в разведывательные центры противника и зарубежные белоэмигрантские организации; выявлять и активно разрабатывать забрасываемых на территорию СССР эмиссаров и агентов вражеских разведок и белоэмигрантских центров, а также вражеских разведчиков, засылаемых под видом дипломатов, иностранных специалистов, коммерсантов и т. д.; устанавливать лиц, подготавливаемых в связях с империалистическими разведками и белоэмигрантскими центрами; использовать втемную представителей белоэмигрантских организаций и дезинформировать вражеские разведки в выгодном для СССР политическом и военном плане.

Важнейшим направлением оперативной деятельности органов государственной безопасности стала разведывательная работа. Иностранный отдел с помощью ранее созданных разведывательных резидентур в некоторых капиталистических государствах успешно решал возложенные на него задачи. Свои усилия он направил прежде всего на своевременное получение сведений о планах правительств империалистических государств по подготовке военных, политических и экономических акций против СССР. Решая эти задачи, Иностранный отдел действовал в тес-

в контакте с Контрразведывательным и Восточным отделами, обеспечивая их необходимой информацией. Контрразведывательный и Восточный отделы в свою очередь оказывали Иностранному отделу помощь в подборе кандидатов на вербовку и осуществлении их вербовки, проведении мероприятий по внедрению агентов ИНО в важнейшие учреждения и организации капиталистических стран.

Как и в прежние годы, органы ОГПУ продолжали активно проводить оперативные игры с противником, в ходе которых наиболее опытных агентов внедряли в разведывательные органы капиталистических государств и зарубежные эмигрантские центры. Важнейшей задачей игр являлось противодействие попыткам различных центров белой эмиграции создать единый антисоветский блок¹. При этом в тактике проведения оперативных игр отличие от 1921—1925 годов произошло некоторые изменения. Если раньше ОГПУ легендировало наличие «антисоветских организаций», якобы имевших свои филиалы на территории капиталистических государств, то в 1926—1929 годах легендирование таких организаций политически было уже невыгодно, так как это могло бы у капиталистических государств предствление о наличии на территории СССР мощного, хорошо организованного революционного подполья и могло активизировать антисоветские действия противника. Поэтому, организуя оперативные игры в новых условиях, органы госбезопасности вели их с отрывом от центра, используя звеньями зарубежных эмигрантских групп уже от имени локальных «антисоветских» групп.

Контрразведывательный отдел и местные органы ОГПУ в этот период вели оперативную игру «Трест», а также ряд других оперативных игр, в том числе игру «Внутренняя российская национальная организация» (ВРНО).

Начало игры с противником под условным наименованием «Трест» относится к ноябрю 1921 года, когда Иностраный отдел ОГПУ через своего закордонного агента получил копию письма от старшейца Артамонова, которое было адресовано одному из деятелей зарубежного антисоветского центра «Высший монархический совет» (ВМС). Содержание письма свидетельствовало о том, что закордонные монархисты планируют создание своей организации на территории Советского государства, причем важную роль в этом деле отводят А. А. Якушеву — работнику Наркомвнешторга РСФСР.

Для развития названной игры было решено легендировать наличие в Москве антисоветской организации «Монархическое объединение центра Россин» (МОЦР).

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. I, стр. 224.

В материалах КРО ОГПУ данная разработка значилась под названием «Россин».

Арестованный ОГПУ Якушев впоследствии был завербован и включен в оперативную игру. Для того чтобы придать «Тресту» большую значимость в глазах белоэмигрантских кругов и иностранных разведок и дезинформировать их в отношении положения в СССР, в разработку был введен бывший генерал царской армии Н. М. Потапов, служивший в то время в Красной Армии. Потапов, с которым органы государственной безопасности поддерживали доверительные отношения, выступал в роли начальника штаба «военной организации», подчинявшейся «Тресту».

Политическая программа и тактика легендированной «монархической организации» сводилась к отказу от интервенции и проведения террора, была рассчитана на длительную работу членов данной организации и проникновение в советский аппарат якобы для совершения государственного переворота.

Установив контакт с Кутеповым и другими лидерами белой эмиграции, чекисты получили возможность выявлять связи белоэмигрантов и контролировать их практическую антисоветскую деятельность. Учитывая, что разведки империалистических государств усиленно требовали от «Треста» шпионских материалов об оборонной мощи СССР, органы госбезопасности решили использовать это обстоятельство для дезинформации противника. Дезинформация охватывала главным образом военные вопросы с целью ввести в заблуждение правительства капиталистических стран относительно действительного состояния Красной Армии, показать ее достаточно мощной и способной отразить натиск врага.

С конца 1924 года к «Тресту» стала проявлять интерес и английская разведка. В апреле 1925 года в адрес «Треста» поступило письмо от английского разведчика С. Рейли, который рекомендовал монархистам различные способы борьбы с Советской властью: использование оппозиционных групп внутри партии, проведение активной антисоветской пропаганды и агитации, организация террора против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Ознакомившись с письмом, Ф. Э. Дзержинский дал указание Контрразведывательному отделу ОГПУ вовлечь Рейли в оперативную игру и, выведя его на территорию СССР, захватить.

Осенью 1925 года С. Рейли с паспортом на имя купца Штейнберга и Якушев «незаконно» перешли советско-финскую границу и приехали в Москву. Сопровождаемый Якушевым, Рейли встретился 27 сентября на специально оборудованной квартире с Потаповым. Стырне (сотрудник КРО ОГПУ) и другими руководителями «Треста» и изложил им планы английской разведки по разартированию подрывных акций на территории СССР. После окончания переговоров его арестовали.

Согласно выработанному Контрразведывательным отделом плану руководителя «Треста» о «катастрофе», происшедшей с

Рейли должны были узнать первоначально из Финляндии. Поэтому, чтобы звести в заблуждение английскую разведку и «Высший монархический совет», на одном из участков советско-финской границы в ночь на 29 сентября 1925 года (когда предполагалось возвращение Рейли из Москвы) чекисты инсценировали перестрелку пограничников с «нарушителями», пытавшимися уйти в Финляндию, в результате чего удалось создать видимость, что Рейли погиб случайно.

После того как был арестован Рейли, характер оперативной игры «Треста» изменился. Было ясно, что в прежнем масштабе вести игру нецелесообразно, однако нельзя было сразу и прекратить ее. Игра продолжалась, но при этом было решено дать понять противнику, что объем деятельности «Треста» «из-за ударов ОГПУ» несколько сокращается.

Необходимо было провести оперативные мероприятия по укреплению позиции «Треста». Руководители ОГПУ считали, что для этого нужно организовать поездку в СССР кого-либо из лидеров эмиграции. Выбор пал на Шульгина, яркого монархиста, произнесшего отречение Николая II от престола и пользовавшегося популярностью среди монархистов. В 1921 году Шульгин нелегально посещал Советскую страну и опубликовал книгу, пользовавшуюся эмигрантами в антисоветской пропаганде. Органы госбезопасности учитывали личные мотивы, имевшиеся у Шульгина для нового посещения России: он не терял надежды разыскать потерявшегося в годы гражданской войны сына. При этом важно было сделать так, чтобы инициатива исходила не от «Треста», а от самого Шульгина. Эту задачу удачно решили аккордонные агенты Иностранного отдела, которые внушили Шульгину мысль о целесообразности посещения им России. В конце 1925 года через начальника контрразведки РОВСа Климовича Шульгин обратился к руководителям «Треста» с просьбой оказать ему содействие в переходе границы и обеспечить личную безопасность. «Трест» дал согласие, но поставил при этом условие: сохранить в строжайшей тайне все, что будет связано с его поездкой в Россию, в частности, чтобы об этом не знали французская и польская разведки. Шульгин принял условия, выдвинутые «Трестом», и в ночь на 23 декабря 1925 года его «нелегально» переправили через границу, и в сопровождении работника ОГПУ Дорожнянского, назвавшегося сотрудником контрразведки «Треста» Антоном Антоновичем и вручившего ему паспорт на имя Шварца, Шульгин прибыл в Киев.

Познакомившись с советской действительностью, Шульгин стал высказывать трезвые суждения о том, что он увидел обновленную Россию. Сопровождавшие его чекисты сообщили об этом В. Р. Менжинскому. Последний предложил руководителям «Треста» навести Шульгина на мысль о написании книги и способствовать ему в сборе материала для нее.

Кроме Киева, Шульгин побывал в Ленинграде и Москве. В Москве он встречался с Якушевым и Потаповым, вникал в дела «Треста» и поверил в него. Перед отъездом за границу Шульгин обещал написать книгу о своем пребывании в СССР. Было обусловлено, что представители «Треста» предварительно просмотрят все ее главы, якобы для того чтобы не дать ОГПУ какого-либо повода для действий против данной «подпольной организации», и в ночь на 6 февраля 1926 года Шульгин был переброшен обратно на Запад.

Поездка Шульгина создала ему ореол героя, особенно среди эмигрантской молодежи, и в значительной степени поддержала престиж «Треста». Вскоре вышла из печати книга Шульгина под названием «Три столицы». Как и предвидел В. Р. Менжинский, эта книга, в которой в основном объективно описывалась жизнь в Советском Союзе, нанесла ощутимый удар по антисоветской пропаганде, а ее автор вызвал против себя серьезную оппозицию со стороны эмигрантских кругов.

В создавшейся обстановке позиции «Треста» хотя и были укреплены, но ненадолго. Главари белой эмиграции стали настойчиво требовать проведения активных антисоветских действий, в частности совершения террористических актов. Представители Кутелова Захарченко и Радкевич настаивали, чтобы, помимо «Треста», в этом участвовали белоэмигранты. Органы государственной безопасности приняли действенные меры против террористов, окружив Захарченко и Радкевича проверенными сотрудниками наружной разведки. Перед террористами была создана видимость значительной активизации деятельности ОГПУ и вместе с тем всячески подчеркивалось «стремление» руководителей «Треста» выполнить задания белоэмигрантских центров.

Последующие события показали, что главари белоэмигрантских центров усилили контроль за «Трестом». Так, в конце августа 1926 года в Москву нелегально прибыл один из руководителей евразийского движения Арапов, высказавший намерение проверить деятельность евразийской группы «Треста» во главе с Ланговым. Умелыми действиями агентов он был введен в заблуждение и поверил в существование крупной молодежной антисоветской группы в составе «Треста». Проникшись доверием к руководителям «Треста», Арапов рассказал им о новых успехах евразийцев, установивших тесную связь с английской разведкой.

Захарченко поделилась с Опперпутом (агент ОГПУ) мыслью о том, что Якушев, по-видимому, связан с органами ГПУ и ведет двойную игру. Такое мнение эmissара Кутелова было весьма опасным для оперативной игры. Поэтому с целью «реабилитации» Якушева и Потапова в глазах эмигрантов в ноябре 1926 года Якушеву была организована поездка в Париж, где его встретил Кутелов.

Как выяснилось в дальнейшем, Кутепов ориентировался главным образом на Опперлута, который согласно легенде возглавлял самое крайнее течение «Треста». Но вместе с тем Кутепов не терял надежды оказать нажим и на других руководителей «Треста», пытаясь склонить их на путь террора. Так, во время встречи с Поталовым в Финляндии в марте 1927 года он настаивал на необходимости проведения в ближайшее время антисоветских выступлений в стране и совершения террористических актов над руководителями Коммунистической партии и Советского правительства. Однако представитель «Треста» обосновал вредность террора для «подпольной организации» и сообщил, что ее руководители намерены даже исключить из нее «крайне левых», в том числе и Опперлута.

Анализ этих событий, а также действий и устремлений противника показывал, что разработка исчерпала себя и ее следует прекратить. В начале 1927 года был составлен план мероприятий по выводу агентов из разработки и реализации материалов дела. Но завершению намеченных мероприятий помешало предательство Опперлута, который 12 апреля 1927 года вместе с Захарченко бежал в Финляндию. Побег Опперлута и передача за границу сообщения, что он являлся агентом ОГПУ, вызвали в стране противника переполох. В мае 1927 года в рижской газете «Сегодня» Опперлут опубликовал статью о «Тресте». В свою очередь Иностранный отдел ОГПУ организовал публикацию в буржуазных газетах статей, в которых утверждалось, что Опперлут действует в интересах ОГПУ. В статьях содержался серьезный намек также и на Марию Захарченко. Авторы статей ставили вопрос: почему так случилось, что Савинков и Сидней Рейли потерпели провал, а Мария Захарченко на протяжении шести лет беспрепятственно ездит в СССР?

В результате всех этих действий для Опперлута и Захарченко в лагере эмигрантов создавалась невыносимая обстановка. От них требовали не слов, а дел, направленных против ОГПУ. И они вынуждены были пойти на отчаянный шаг: составили план многочисленных диверсионных актов, сигналом для которых должен был послужить взрыв здания ОГПУ в Москве на М. Лубянке. Осуществление этого акта взяли на себя Опперлут, Захарченко и Вознесенский.

В июле 1927 года группы диверсантов в соответствии с данным планом нелегально пробрались на советскую территорию и подготовили диверсионные акты. Благодаря бдительности сотрудников ОГПУ диверсия на М. Лубянке была предотвращена. Сразу же был организован поиск Опперлута, Захарченко и Вознесенского. По сигналам трудящихся чекисты нашли диверсантов в районе Смоленска. Они оказали упорное вооруженное сопротивление и в ходе перестрелки были убиты. В одежде Опперлута обнаружили дневник с его собственным описанием подготовки диверсии на М. Лубянке и некоторые другие записи, кото-

рые позволили органам ОГПУ ликвидировать диверсионные группы в Москве и Ленинграде.

После этого Радкевич предпринял попытку отомстить органам ОГПУ за гибель Марии Захарченко. В июле 1928 года он вместе с террористом Мономаховым нелегально прибыл в СССР. Оба они пробрались в Москву и бросили бомбу в здание ОГПУ. Вскоре их обнаружили в Подольском районе Московской области. Радкевич застрелился, а Мономахов был арестован. В процессе следствия ОГПУ установило, что Радкевича и Мономахова перебрасывала через границу румынская разведка. По этому поводу Народный комиссариат иностранных дел СССР заявил румынскому буржуазному правительству протест. По сообщению агентов ИНО, румынское правительство, весьма недовольное провалом своей разведки, «вызвало для объяснений начальника генерального штаба, которому было сделано соответствующее внушение». В связи с этим генеральный штаб установил строгий контроль за лицами, перебрасываемыми румынской разведкой на советскую территорию.

Так закончилась оперативная игра «Трест», длившаяся около шести лет. В результате данной игры органам ОГПУ длительное время удавалось направлять действия антисоветской эмиграции по ложному пути, сдерживать ее повышенную активность, подчинять деятельность групп белоэмигрантов своим интересам: используя дезинформацию, советские органы государственной безопасности сумели создать у генеральных штабов и иностранных разведок ряда капиталистических государств выгодное нам представление о состоянии обороны Советской страны, что привело к срыву их планов военного нападения на СССР. В ходе игры был арестован ряд эмиссаров и агентов капиталистических разведок и зарубежных белоэмигрантских центров. Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что органы ОГПУ использовали игру «Трест» для внедрения своих агентов в белоэмигрантские центры и разведывательные органы противника. Мероприятия органов госбезопасности нанесли серьезный удар по белой эмиграции, в среде которой ускорился процесс разложения и деградации.

В процессе оперативной игры «Трест» работники ОГПУ показали возросшее оперативное искусство и активную наступательную тактику. Большой вклад в развитие чекистского искусства внесли начальник Контрразведывательного отдела ОГПУ А. Х. Артузов, его помощник В. А. Стырне, полномочный представитель ОГПУ по Западному краю Р. А. Пилляр, сотрудник ОГПУ В. С. Косинов-Княковский и другие. Преданность Родине, мастерство и находчивость проявили агенты органов ОГПУ А. А. Якушев и Р. Г. Бирк, а также действовавшие на доверительной основе патриоты Н. М. Потапов и другие. В то же время необходимо отметить, что оперативная игра «Трест» чрезмерно затянулась и велась без учета изменившейся обстановки.

Опперпуту КРО оказывал слишком большое доверие. Тщательного контроля за ним не было установлено.

Наряду с «Трестом» в Ленинграде велась игра с Кутеповым под условным наименованием «Д-7». Объектом этой игры являлась группа бывших офицеров Преображенского полка, служивших в штабе Петроградского (Ленинградского) военного округа. Весной 1924 года из Парижа от Кутепова в СССР нелегально прибыл его эмиссар Жуковский. В числе данных ему Кутеповым были и явки в Ленинград к Д. Д. Зуеву, потомственному дворянину, сыну царского генерала, и к бывшему офицеру Н. А. Муравьеву, которые к этому времени были завербованы органами госбезопасности в качестве агентов (Зуев — под псевдонимом «Аккуратный», Муравьев — под псевдонимом «Биб»). Так началась оперативная игра «Д-7» Контрразведывательного отдела во взаимодействии с Иностранным отделом ОГПУ с куляновским РОВСОм.

Руководство ОГПУ поставило перед чекистами — участниками оперативной игры «Д-7» следующие задачи: через легендарную «военную организацию» установить морским путем контакт с английской разведкой, создать условия для приема эмиссаров от Кутепова.

Летом 1926 года из Парижа через Латвию в СССР от Кутепова прибыли курьеры Майданович и Буров. Один из курьеров должен был постоянно находиться в Ленинграде, а другой — курсировать между Ленинградом и Ригой. Майдановича с отрывным письмом от «военной организации» чекисты вернули за границу, а Бурова оставили в Ленинграде и устроили матросом на пароход, совершавший заграничные рейсы. В ноябре 1926 года советская пограничная охрана задержала Майдановича при пересечении им границы. На допросе он сообщил, что действовал по заданию Монкевича — помощника Кутепова и с целью латвийской разведки. В связи с этим было решено завербовать его и внедрить в латвийскую буржуазную разведку, создав видимость, что ОГПУ ничего не знает о «военной организации». Майдановича отправили в Латвию с расчетом, что он больше не появится в СССР¹.

В январе 1927 года на границе с Латвией был задержан очередной курьер Кутепова — бывший офицер Полянский. На допросе он сознался, что его направила латвийская разведка с заданием явиться в Контрразведывательный отдел от имени Майдановича, однако о «военной организации» ничего не сказал. Чекисты сделали вид, что верят Полянскому, и завербовали его под псевдонимом «Андронов», освободив из-под стражи, но взяв под усиленное наружное наблюдение для выявления его нелегальных связей. Проверка показала, что согласием на сотрудничество с ОГПУ Полянский пытался облегчить себе выполнение заданий

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. II, пор. № 1563, л. 23.

латвийской разведки и порученный Кутепова по установленно связи с «военной организацией». Руководители последней сообщили Кутепову, что Полянский подозревается в связях с ОГПУ, что при первом переходе он был задержан чекистами и, очевидно, стал их агентом: свою принадлежность к РОВСу он не мог подтвердить документами, заявив, что письма уничтожил. Это веские улики, и поэтому, по мнению «военной организации», его следовало убрать. Кутепов поверил в правдивость данных сведений. В марте 1927 года из-за границы прибыл новый эмиссар Кутепова — Самойлов, имевший задание остаться в СССР на продолжительное время.

Окончание оперативной игры «Трест» повлияло и на игру «Д-7». Руководители белой эмиграции стали подозревать отдельных членов «военной организации» в сотрудничестве с чекистами. В связи с опасностью провала оперативной игры «Д-7» органы госбезопасности провели ряд мероприятий по «разоблачению» эмиссаров Кутепова. В июле 1927 года органы ОГПУ арестовали Самойлова и Бурова и организовали над ними в Ленинграде судебный процесс, широко освещавшийся в печати.

Материалы процесса показали Кутепову, что «военная организация» действует конспиративно и умело, а в провалах повинны его эмиссары. 23 ноября 1927 года от Кутепова пришло письмо, в котором он сообщил, что в скором времени может направить в СССР своего нового эмиссара. Руководители «военной организации» сначала ответили отказом, мотивируя это тем, что им надоели провалы, и только в начале 1928 года дали согласие «принять человека из Парижа». После этого из-за границы прибыло еще несколько эмиссаров Кутепова. Изучался вопрос о посылке наших агентов за кордон для внедрения их в «Российский общевосточный союз» и латвийскую разведку. Однако осуществить это не удалось: КРО ОГПУ получил сведения о том, что Кутепов не доверяет нашему агенту «Бебу», а выступавший в роли руководителя «военной организации» агент «Аккуратный» оказался предателем. Поэтому председатель ОГПУ принял решение прекратить оперативную игру «Д-7». Будучи расшифрована, она стала бесперспективной, и продолжать ее было нецелесообразно.

Вся деятельность органов государственной безопасности, направленная против белоэмигрантских антисоветских организаций, в рассматриваемый период сводилась к тому, чтобы лишить разведки буржуазных стран возможности использовать эти организации в подрывной работе против СССР.

В борьбе с агентурой империалистических разведок больших успехов добились чекисты Украины. Во многих крупных центрах Украинской Республики противнику были подставлены наши агенты, которых вражеские разведки выдвигали в качестве своих

резидентов. Контрразведывательный отдел ГПУ Украины в 1926 году контролировал такие «резидентуры» противника в Харькове, Киеве, Одессе, Херсоне и Шепетовке. Наряду с этим были созданы условия, при которых противник использовал подставляемых ему агентов ОГПУ в качестве своих курьеров¹, что позволяло органам госбезопасности выявлять настоящих вражеских резидентов. Подставой разведке противника своих агентов органы ОГПУ достигали следующих целей: получали сведения о том, чем интересуется разведка противника, снабжали ее дезинформационными материалами и заставляли действовать в нужном нам направлении, выявляли вражеских курьеров, их связи, явочные квартиры в пограничной полосе и этапы следования, вынуждали разведывательные органы противника расходовать значительные денежные средства. Кроме того, в случае военных действий создавалась возможность использовать эти «резидентуры» для разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности в тылу противника. В результате четко организованной работы КРО ГПУ Украины добился с помощью «резидентур» того, что польское генеральное консульство в Харькове 90% всех ассигнований, предназначенных для ведения разведывательной работы, отпускало «резидентурам», находившимся под контролем ГПУ².

Организуя борьбу против империалистических разведок и белоэмигрантских центров, органы государственной безопасности уделяли особое внимание пресечению диверсионной деятельности врага, направляя свои усилия на проникновение «в разведывательные центры противника, руководившие диверсией»³, выявление переправ диверсантов через границу, изучение технических средств, применяемых противником для диверсионных актов, и расследование чрезвычайных происшествий, подозрительных на диверсии. Для выполнения этих задач при ОГПУ и его местных органах в апреле 1927 года были созданы центральная, краевые и окружные межведомственные комиссии по борьбе с диверсиями, куда входили представители промышленных предприятий, местных органов власти и ОГПУ. Возглавлялись эти комиссии руководящими работниками органов госбезопасности. Борьба с диверсиями включала проведение на государственных предприятиях, складах и других важных объектах предупредительных мер, а также мероприятия агентурно-оперативного характера.

Важную роль в борьбе с диверсиями сыграло указание ЦК ВКП(б) от 20 мая 1927 года⁴, предлагавшее всем партийным организациям провести среди рабочих разъяснительную работу, призвать их следить за безопасностью своих предприятий.

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 292, л. 16.

² Там же, л. 17.

³ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 8, пор. № 1173, л. 200.

⁴ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 5, пор. № 24, л. 145.

С апреля по июль 1927 года межведомственные комиссии обследовали свыше шести тысяч важных промышленных предприятий и транспортных сооружений, 80% из них составляли объекты, где члены комиссии зафиксировали неудовлетворительное состояние общей и противопожарной охраны. Были приняты соответствующие меры по устранению отмеченных недостатков.

В целях повышения бдительности и мобилизации широких масс на борьбу с диверсантами работники ОГПУ выступали на пленумах горкомов и райкомов партии, общегородских и районных совещаниях руководителей предприятий, на партийных и общих собраниях на фабриках, заводах и даже в отдельных цехах с докладами о формах и методах подрывной работы вражеских разведок. Например, Московский Комитет партии дважды созывал совещание директоров, секретарей парткомов и председателей завкомов всех важных предприятий, на которых с информацией о формах и методах подрывной деятельности буржуазных разведок выступал начальник Экономического управления ОГПУ¹.

Кроме того, на всех предприятиях, и прежде всего на особо важных объектах, органами госбезопасности создавался засведомительный аппарат. Учитывая, что противник нередко засылал диверсантов под видом перебежчиков, приток которых принял большие размеры², руководство ОГПУ потребовало обратить особое внимание на установление неослабного агентурного наблюдения за ними³, а также на осуществление агентурно-оперативных мероприятий по месту их фильтрации и расселения.

Проведение всего комплекса мероприятий дало положительные результаты. Уже в январе 1928 года Центральная комиссия по борьбе с диверсиями констатировала систематическое уменьшение количества чрезвычайных происшествий, подозрительных на диверсионные акты⁴.

В этот период органами госбезопасности было выявлено немало вражеских диверсантов, связанных с дипломатическими представительствами империалистических стран в СССР. Так, 10 мая 1927 года Контрразведывательный отдел ОГПУ арестовал группу бывших колчаковских офицеров, поддерживавших контакт с заведующим консульской частью миссии Великобритании в Москве Уайтом. Эта группа готовила взрывы в Кремле и Большом театре⁵, намереваясь осуществить их во время какого-либо важного собрания представителей рабочих и крестьян.

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 5, пор. № 24, л. 146.

² Так, в 1926 году на границах СССР было задержано 54 269 нарушителей, в том числе 17 434 перебежчика (ЦАПВ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 434, л. 20).

³ Приказ ОГПУ № 82/32 от 21 апреля 1927 года.

⁴ Если в апреле 1927 года по стране было отмечено 75 пожаров, 7 взрывов, 31 техническая авария, то в ноябре этого же года было зафиксировано 14 пожаров, 1 взрыв, 18 технических аварий.

⁵ См.: История советской разведки. Вып. 3, стр. 106.

Органы ОГПУ продолжали вести активную борьбу с экономической контрреволюцией. В 1928—1929 годах были ликвидированы крупные вредительские организации в угольной промышленности в Донбассе («шахтинское дело»), в аппарате Народного комиссариата путей сообщения, в военной, химической, текстильной, золотоплатиновой и ряде других отраслей промышленности, участники которых в большинстве своем занимали руководящие посты.

Разоблачение вредительской организации в Донбассе явилось результатом длительной и кропотливой работы органов ОГПУ по изучению многочисленных сигналов о неблагоприятном положении в угольной промышленности. Неоценимую помощь органам госбезопасности оказали шахтеры и служащие шахт и управлений. Они сообщали о фактах вредительства, сообщавших врагов в контрреволюционных действиях. Так, рабочий рудника «Мировая коммуна» Золотарев рассказал обмышленном затоплении вредителями шахты «Таго», откачка которой длилась полтора года и потребовала немало средств. Заведующий Попов привел факты неоднократного отравления рабочих угарным газом при взрывах динамита.

Собрав неопровержимые доказательства, свидетельствующие о деятельности организованной подрывной деятельности, направленной бедезмигрантами, бывшими собственниками шахт, бежавшими за границу, а также разведками империалистических государств, органы государственной безопасности выявили главных участников вредительской организации. Всего по делу об экономической контрреволюции в Донбассе только по московскому и харьковскому центрам было привлечено к судебной ответственности 53 человека, в том числе 36 инженеров, 10 горных рабочих и один электротехник. Многие из них занимали руководящие посты в угольной промышленности и сумели пробраться даже в центральные учреждения. Дело о вредителях в угольной промышленности слушалось в специальном присутствии Верховного Суда СССР с 18 мая по 6 июля 1928 года.

Апрельский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 года в своей резолюции указал, что «шахтинское дело» «приобрело явно общественное значение, так как вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации». Решения, принятые апрельским Пленумом по данному вопросу, сыграли большую роль в повышении политической бдительности советских людей и усилении борьбы с враждебными элементами в нашей стране.

На железнодорожном транспорте в 1929 году была вскрыта вредительская организация во главе с бывшим председателем правления частной Московско-Казанской железной дороги

¹ КПСС в резолюциях и решениях... 132, 7, т. II, стр. 280—281.

дворянином фон Мекком (до ареста — начальник секции Центрально-планового управления НКПС) и Величко (до ареста — председатель транспортной секции Всесоюзной ассоциации инженеров)¹.

Контрреволюционную вредительскую организацию в золотоплатиновой промышленности возглавлял Пальчинский, бывший заместитель министра торговли и промышленности в правительстве Керенского, комендант Зимнего дворца в октябрьские дни 1917 года (до ареста — профессор Ленинградского горного института)².

Органы госбезопасности провели большую работу по борьбе с антисоветской нелегальной деятельностью бывших членов контрреволюционных партий, пытавшихся восстановить свои подпольные организации. К концу 1928 года чекисты ликвидировали в Москве шесть составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, обнаружили четыре склада литературы и архив бюро ЦК и т. д.³

Удары по меньшевистским организациям были нанесены на Украине, в Ленинграде, Ростове-на-Дону и в ряде других крупных городов страны. Важную роль в пресечении антисоветской деятельности меньшевиков сыграл арест на Украине в 1926 году эmissара заграничного ЦК грузинских меньшевиков Анджепаридзе⁴. В 1928 году в Баку была арестована Ева Бройдо — эmissар заграничного ЦК меньшевиков, нелегально прибывшая в СССР для руководства антисоветской деятельностью, до этого инструктировавшая меньшевистские организации на Украине.

Значительная работа по ликвидации вражеского националистического подполья была проведена в Азербайджане. В начале 1929 года органы государственной безопасности арестовали руководящих работников нелегальных мусаватистских организаций, в том числе членов подпольного ЦК, Бакинского комитета, областных и уездных комитетов, членов военных и террористических групп. Всего в общей сложности был арестован 241 человек⁵. В других союзных и автономных республиках также были вскрыты националистические организации и группы, связанные с зарубежными антисоветскими центрами⁶. Так, органы ГПУ Украины в 1929 году ликвидировали крупную националистическую организацию «Сплка вызволения Украины», имевшую связь с закордонным «правительством Украинской народной республики» в Польше, а также с центрами украинской эмиграции в Берлине, Париже и других городах Западной Ев-

¹ См.: История советской разведки. Вып. 3, стр. 249—250.

² См. там же, стр. 250.

³ См. там же, стр. 220.

⁴ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 176.

⁵ Там же, оп. 6, пор. № 215.

⁶ Там же, пор. № 170.

В 1929 году Восточный отдел ОГПУ выявил в Крыму буржуазно-националистическую организацию «Милли Фирка», которая через турецкое посольство в Москве поддерживала связь с основными центрами в Константинополе¹.

В марте — апреле 1926 года органы госбезопасности за активную антисоветскую работу арестовали 28 членов нелегальной ЦК сионистской партии и около 300 руководящих работников местных подпольных организаций, изъяли контрреволюционные брошюры, листовки, журналы, ликвидировали четыре типографии².

Значительных успехов органы ОГПУ добились в борьбе с подрывной деятельностью бывших белогвардейцев. Так, в 1926 году только Полномочное представительство ОГПУ Северного Кавказа края взяло на учет свыше 22 тысяч бывших белогвардейцев³, выявило и ликвидировало 113 антисоветских групп.

В процессе борьбы с антисоветским подпольем органы государственной безопасности добились сведения об антисоветской деятельности троцкистов, их нелегальных встречах с белогвардейцами и другими враждебными элементами, установили в городах конспиративные квартиры и нелегальную типографию, подпольной антисоветской работе троцкистов и мероприятиях ОГПУ по ее пресечению председатель ОГПУ В. Р. Менжинский в октябре 1927 года доложил Объединенному Пленуму ЦКК ВКП(б). Оперативные мероприятия ОГПУ вызвали в Пленуме злобные нападки со стороны троцкистов, используя тот факт, что среди бывших врангелевских офицеров, среди троцкисты установили нелегальные связи, был агент П. П. Пленум, разобрав вопрос о нелегальной антисоветской деятельности троцкистов, одобрил действия органов ОГПУ и продолжил работы.

Руководствуясь указанием ЦК ВКП(б) о необходимости усиленной борьбы с троцкистами, органы государственной безопасности приступили к агентурно-оперативной работе по пресечению их антисоветской деятельности. Для этого подбирались и вербовались агенты, главным образом из числа заявивших о фактах подпольной антисоветской деятельности троцкистов. В результате проведенных мероприятий был выявлен троцкистский центр, который возглавлял Эльцин, один из ближайших сообщников Троцкого. Большую помощь в разоблачении этого центра оказал чекистам один партийный рабочий, который обратился в органы госбезопасности с заявлением о том, что в знакомой ему семье Эльцина велась протроцкистские разговоры. После проверки поступившего сообщения рабочий был завербован под псевдонимом «Лихачев»

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 7, пор. № 158; История советской разведки. Вып. 3, стр. 253.

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, пор. № 144.

³ Там же, оп. 5, пор. № 81.

и получил задание войти в доверие к Эльцину. Вскоре агент сообщил, что, выполняя различные поручения Эльцина, он выявил ряд его сообщников, явочных квартир и, в частности, установил, что сын Эльцина работал в секретариате Троцкого и ведал его нелегальными связями. В начале 1929 года троцкистский центр был ликвидирован¹.

В рассматриваемый период органы и войска государственной безопасности продолжали вести борьбу с бандами, которые совершали свои набеги главным образом из-за границы². При этом наиболее успешные результаты в борьбе с закордонными бандами обеспечивала агентурная работа среди эмигрантов, находившихся в сопредельных странах. В 1926 году чекисты провели удачную операцию по выводу из-за границы Анненкова³ и ликвидации его банд. За Анненковым, проживавшим в Китае, было установлено постоянное агентурное наблюдение. Анненков это заметил, стал нервничать. Когда чекисты убедились, что он находится в полном смятении, то предложили ему явиться с повинной в советскую военную миссию в Китае, что он и сделал. Анненков написал прошение о помиловании, официально заявил о разрыве с белоэмигрантами и обратился к анненковцам, проживавшим в Китае и служившим во французском легионе в Индокитае⁴, с призывом вернуться на Родину. Эти обращения сыграли определенную роль в ослаблении бандитских акций против СССР на Востоке.

В первой половине 1927 года Якутский областной отдел ОГПУ выявил антисоветскую организацию, в которую входили лица, возглавлявшие в прошлом антисоветские выступления на территории Сибири и Якутии. В числе арестованных были известный бандитский главарь Ефимов, ближайший сообщник белогвардейского атамана Пепеляева Артемьев и ряд других лиц. Несмотря на принятые чекистами меры, антисоветским элементам удалось организовать в некоторых районах Якутии отдельные вооруженные отряды, которые длительное время терроризировали органы Советской власти и местное население. Бандитизм в Якутии был ликвидирован совместными действиями частей Красной Армии и войск ОГПУ. Руководство ОГПУ высоко оценило деятельность оперативных работников и личного состава войск, которые, действуя в чрезвычайной тяжелой обстановке, проявили храбрость, решительность, выносливость и высокую политическую сознательность. В связи с ликвидацией бандитиз-

¹ См.: История советской разведки. Вып. 3, стр. 224.

² В 1927 году через границу на советскую территорию прорвались 459 банд, а в 1928 году — 449 банд (ЦАПВ, оп. 1, ед. хр. 434, л. 21).

³ Анненков — один из сподручных Колчака. В начале 1920 года банды Анненкова были разбиты, а сам он бежал в Китай. В 1925 году Анненков установил тесные связи с монархическими эмигрантскими организациями, с представителями английской и французской миссий в Китае. Из анненковцев создавались бандитские и террористические отряды.

⁴ ЦА КГБ при СМ СССР, агентурное дело № 16635.

ма в Якутии большая группа оперативных сотрудников и военнослужащих была награждена ценными подарками¹, а военнослужащие, проявившие смелость и погибшие во время боевых операций, были навечно зачислены в списки воинских подразделений.

Органы госбезопасности активно участвовали в ликвидации бандитизма в Дагестане, где действовал ряд крупных вооруженных банд. Антисоветские и бандитские элементы поддерживали связь с зарубежными националистическими центрами. В 1926 году Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение ликвидировать бандитизм в данном районе и в связи с этим изъять огнестрельное оружие у жителей района, где скрывались бандиты. Мероприятия по разоружению проводили органы государственной безопасности и части войск Северо-Кавказского военного округа. За время операции было изъято 67 850 винтовок и других видов огнестрельного оружия, ликвидированы банды Тхамана Айдемирава, Хаджи Амарова, Магома Дадоева и других главарей, связанных с зарубежными антисоветскими организациями². Все это в значительной степени нормализовало обстановку на Кавказе.

Большая работа по ликвидации бандитизма была проведена органами государственной безопасности на Украине, Дальнем Востоке, в Средней Азии и в некоторых других районах страны. На Украине борьба велась с перебрасываемыми из Румынии и Польши бандами, объединившимися с местными уголовными и националистическими бандами.

Одной из важных задач органов государственной безопасности по-прежнему оставалась борьба с контрабандой. Решая эту задачу, местные чекистские органы и оперативные подразделения пограничных войск приобретали в пограничных районах агентов, с помощью которых выявлялись каналы проникновения контрабанды, изучалась конъюнктура контрабандных товаров. О напряженной борьбе органов и войск государственной безопасности с контрабандой свидетельствуют такие данные: в 1926 году на западной границе у задержанных контрабандистов было изъято товаров на сумму около 6 миллионов рублей; в Средней Азии у задержанных контрабандистов изъяли ценностей на сумму пять с половиной миллионов рублей³. При этом с каждым годом повышалась роль агентов в борьбе с контрабандой. Так, если в 1928 году, по данным агентов и осведомителей, было изъято 31,3 процента контрабандных товаров, то в 1929 году — 89,3 процента. Решительная борьба с контрабандой способствовала укреплению кредитно-финансовой системы Советского государства.

¹ См.: История советской разведки. Вып. 3, стр. 211.

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 4, нар. № 133, 136.

³ См.: «Пограничник», 1958, № 15, стр. 31.

Органы государственной безопасности вели борьбу с фальшивомонетчиками и нарушителями правил о валютных операциях. Эта борьба велась одновременно как за кордоном, так и на территории нашей страны. 26 марта 1926 года Иностраннный отдел, используя свои возможности, получил сведения о том, что в Париже создана организация по изготовлению фальшивых советских червонцев, предназначенных для распространения в СССР, главным образом в Сибири¹. 19 января 1927 года поступили данные о существовании в Берлине фабрики для печатания советских денег.

По фальшивомонетчикам и валютчикам был нанесен сильный удар: с 5 по 10 февраля 1926 года в масштабах страны проводились операции, в результате которых удалось задержать 448 крупных валютчиков и фальшивомонетчиков. Некоторые из них поддерживали связь с белоэмигрантским генералом Потюкиным и французским резидентом Дзоселем². В 1927—1928 годах чекистские органы вели свыше 150 агентурных разработок, в ходе которых выявили и ликвидировали более 100 организаций и групп фальшивомонетчиков³.

Значительное место в деятельности органов государственной безопасности занимала борьба с кулацкой контрреволюцией. В 1929 году органы ОГПУ ликвидировали две с половиной тысячи кулацких контрреволюционных организаций⁴. Особую опасность представлял кулацкий террор, который в 1929 году усилился по сравнению с 1928 годом. Борьба с ним велась в соответствии с Циркулярным письмом ЦК ВКП(б) от 8 января 1928 года, в контакте с судебными и прокурорскими органами. Особое внимание уделялось сигналам о террористических намерениях кулаков.

В рассматриваемый период органы ОГПУ продолжали вести борьбу с антисоветской деятельностью церковников и сектантов, с помощью агентов проводили мероприятия по дальнейшему расколу православной церкви и созданию внутри ее враждующих между собой групп. Аналогичные мероприятия в отношении антисоветских элементов из среды церковников и сектантов были проведены с использованием возможностей ИНО и КРО за границей. В итоге всех этих мероприятий церковники вынуждены были принять выгодные для нашего государства решения: издание указов о церковных карах за контрреволюционную деятельность, публикация в печати заявлений об отсутствии каких-либо притеснений религии в СССР и т. д.

Наряду с этим органы ОГПУ выявляли и пресекали антисоветскую деятельность как отдельных враждебных лиц, так и организаций и групп, проводивших контрреволюционную работу

¹ ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 2, оп. 6, пор. № 11, л. 20.

² Там же, оп. 4, пор. № 34, л. 3.

³ Там же, оп. 6, пор. № 11, л. 20.

⁴ Там же, пор. № 36, л. 7.

под религиозным флагом. Особого внимания заслуживают ликвидированные ОГПУ в 1929 году церковно-монархические организации: «Имяславцы» (на Северном Кавказе) и «Федоровцы» (в Центральной черноземной области). «Имяславцы» имели две группы. Первую возглавляли бывшие белые офицеры братья Григоровичи. Эта группа была построена по типу вооруженной банды: имела разведчиков, связистов, наблюдательные посты, явочные пункты, использовала пароли, условные знаки, поддерживала связь с другими бандами. Вторая группа, руководимая архиепископом Варлаамом, носила характер тщательно законспирированной подпольной организации. Организация «Федоровцы» проводила широкую антисоветскую пропаганду и бойкотировала мероприятия Советской власти. Ее члены уклонялись от уплаты налогов и выполнения повинностей, заявляя, что «антихристовой власти» подчиняться не следует. Главари организации распространяли слухи о том, что царская семья жива, устраивали инсценировки встречи наследника.

После ликвидации этих организаций состоялись судебные процессы над их участниками с широким разоблачением в печати проводившейся ими антисоветской деятельности.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В 1926—1929 годах органы государственной безопасности под руководством Коммунистической партии и Советского правительства вели активную борьбу с разведками капиталистических государств и контрреволюционным подпольем внутри страны. Агрессивный антисоветский курс Англии и других империалистических государств обусловил усиление деятельности их специальных служб. В подрывной работе против Советского Союза империалистические разведки по-прежнему активно опирались на различные зарубежные белоэмигрантские и националистические организации, которые являлись основными поставщиками агентурных кадров. Воспользовавшись осложнением международной обстановки, враги прибегли к наиболее острым формам борьбы против Советского государства — террору и диверсиям.

Партия и Советское правительство потребовали от органов государственной безопасности активизировать разведывательную работу в капиталистических странах, усилить борьбу со шпионажем, диверсиями и террором, а также с вредительством, контрабандой, фальшивомонетничеством. В борьбе с наиболее опасными формами подрывной деятельности внешних и внутренних врагов Советского государства были несколько расширены права органов госбезопасности, продолжалось дальнейшее организационное совершенствование их аппарата. Большая работа была проведена по укреплению чекистских подразделений

кадрами, а также по улучшению агентурно-осведомительного аппарата.

Принятые партией и правительством меры по организационному укреплению органов государственной безопасности положительно отразились на их деятельности. Проникновение чекистских органов с помощью агентуры в лагерь противника, перехват его нелегальных переправ, легендирование ряда антисоветских организаций на территории СССР в значительной степени обеспечивали успешную борьбу с агентами буржуазных разведок и белоэмигрантских центров, проводивших подрывную работу в Советском Союзе.

Деятельность органов государственной безопасности в рассматриваемый период получила высокую оценку со стороны Коммунистической партии и Советского правительства. Отмечая их особые заслуги перед социалистической Родиной, Коммунистической партией и советским народом, Президиум ЦИК СССР 24 декабря 1927 года наградил Объединенное государственное политическое управление орденом Красного Знамени. «Правда» в передовой статье от 20 декабря 1927 года, в частности, писала: «В тяжелой борьбе ГПУ немало сберегло рабоче-крестьянского добра, много миллионов сэкономило для социалистического хозяйства, значительно уменьшило издержки восстановительного процесса».